

Мир номер один. Реальность.
Писатель, известный в узких кругах

— Ты ж у нас вроде писатель? И даже вроде известный?

— Известный... в узких кругах... — пробормотал я.

— Ладно. Прости, что побеспокоил. Я так понял, это тебе не нужно...

На самом деле мне ЭТО было нужно. По многим причинам сразу. Однако я не стал озвучивать ни единой. Потому что, блин, я действительно писатель! И действительно как бы известный! И даже не совсем в узких кругах. Словом, добротный такой писателишка средней руки. Крепко сколоченные детективы, захватывающий сюжет, где в конце добро непременно дает злу полноценного пенделя под его хитрый поджарый зад. В продолжении, кое наступает в оговоренный с издательством срок, также все по плану: очередное лихо с визгом и причитаниями уматывает, улетывает, удирает, сматывает удочки, а капканы даже подобрать не успевает, поскольку оные уже растоптаны в прах могутными ноженьками добра.

По ходу дела также наступает конец света... э-э-э, пардон! — полный и окончательный хэппи-энд и братание в окопах. Влюбленные воссоединяются, брат спасает брата, сестра прощает козни сестре, подруге или раскаявшейся в конце истории недалеко, но, в сущности, неплохой и душевной мачехе. Дамы рыдают вслух, мужчинам позволительно смахнуть скупую, но искреннюю слезу. Даже меня временно попускает, и я начинаю строить планы — но все это только до следующей книги. Которую надо написать кровь из носу, потому как очередной шедевр жанра уже поставлен в план. Я сдал синопсис, подписал договор и даже получил аванс — с облегчением раздал первоочередные долги.

В новой книге, разумеется, ничего нового: все тот же душещипательный сюжет с вариациями, однако с неизменным героем, которого я знаю как собственную пятерню. Этот неубиваемый

мачо, честно говоря, уже осточертел, словно гиперактивный сосед с перфоратором, живущий за стенкой. С каждой изданной книгой в этом продукте моего воображения остается все меньше человеческого. Мой неубиваемый терминатор, который страница от страницы матерееет и закаляется, меняет лишь подруг, автомобили и географию приложения своего терминаторства.

В последний раз, помнится, подсознательно я так сильно желал от него избавиться, что загнал в Зимбабве. Разумеется, измышление моего нездорового разума не умерло от лихорадки, не было убито отравленной стрелой или со вкусом съедено дикарями. Да, трудно придушить собственное детище, даже если оно и чудовищно. Я не мог от него отделаться, поэтому злобно швырнул бумажного героя в самое пекло Африки, — наверное, этому поступку также способствовало необычайно жаркое и сухое лето, совсем меня доконавшее. Я буквально задыхался от зноя в клетушке, обоими окнами выходящей на юг. Старый кондиционер не выдержал перегрузок и накрылся, на новый не было денег — в основном потому, что весной меня, как всегда, потянуло в путешествия и я недальновидно истратил сбережения на страны менее экзотические, чем Зимбабве.

Сейчас я сидел на мели: халтуры, без которой не живет ни один писатель, не подворачивалось, а первые дивиденды за роман начнут капать только через полгода. Состояние полной опустошенности, сопровождающее окончание любой книги — хорошей, плохой, все равно, — уже прошло; я маялся, хотя и по-другому, чем летом, когда разгуливал по жилплощади в одних трусах, ненавидя все, имеющее температуру выше двадцати по Цельсию, и заставляя как злодеев, так и положительных персонажей испытывать невыразимые мучения в дебрях черного континента.

— Подумать-то можно? — недовольно спросил я, потому как тот, что предложил неожиданный и не совсем понятный мне приработок, не желал выдерживать театральных пауз, отодвинул стул и уже собрался уйти. Он был человек действия и жил в реальном и единственном мире, в то время когда меня постоянно носило бог знает где. И даже машины времени для этого не требовалось.

— Думай! Но не слишком долго. Вечером позвони: да, нет.

Я уже знал, что скажу «да». Собственно, я мог бы подарить ему это «да» прямо сейчас, но какой «вроде известный» писатель бросается на свалившуюся с неба синекуру, как перезимовавший

карась на червя? Тогда и цена ему, то есть мне, и будет как безмозглому карасю.

Я непременно позвоню, засунув глупую гордость и свое не менее глупое тщеславие в свою же задницу: больше оттого, что у меня не финансовый кризис, но кризис жанра. Мне больше не хочется никакой словесной чепухи; я устал спасать томных красавиц цвета эбенового дерева или же золотоволосых, но непременно с гладкой как атлас кожей — будь прокляты все литературные штампы на свете! — я устал от всего. В том числе и быть «вроде как известным писателем». Меня тошнит от одной мысли снова настроичить детектив. Наверное, я расту... или же просто устал? Скорее последнее, но приятно думать, что я-таки созрел для чего-то большего, чем приключения высокого светловолосого блондина скандинавского типа, атлетически сложенного и к тому же умного, — ну не подражать же мне было Агате Кристи с ее непревзойденным толстячком Пуаро?!

Наверное, все мы периодически устаем от самих себя и желаем несбыточного. Внезапно я очень ясно вижу картинку из собственного недалекого будущего: я в кабинете главного, с предвкушением похвалы, но... У вершителя писательских судеб на лице кислая полуулыбка. «Лева, — говорит он, — с какого перепугу ты это наката?! Разумеется, — тут же идет он на попятную, но голос его тверд, как сплав стали с титаном, — это написано прекрасно, просто прекрасно, но... тема! Тема! Куда тебя занесло? И к чему нашему издательству эти... простите мой французский, психологические экзерсисы?».

Он очень не хочет меня обидеть, иначе вместо «экзерсисы» непременно охарактеризовал бы прочитанное более близким — «бредни». «Мы не выдвигаем романов на Букер... — главный примирительно похлопывает пухлой ладошкой агатокристиевского Пуаро, — мы работаем на рынок, Левушка! На рынок, — раздельно и веско произносит он. — Рынок! У тебя такой прекрасный герой, мы даже подумывали о переиздании с самого первого романа... в твердом переплете! И тут ты приносишь мне ЭТО!»

Первый роман — сплошные высокопарные мертворожденные потуги, это даже не проба пера, а нечто беспомощно-слюнявое, но я благодарен, что меня тогда не отшили, дали возможность попробовать, издали, поддержали... Мне немного стыдно — но

только не за ту рукопись, что я принес сейчас! Мне стыдно за роль просителя. Сейчас, когда я действительно принес нечто стоящее!

«Разумеется, — говорит человек в директорском кресле, — если МЫ это напечатаем, то ЭТО купят. Те, кто покупает тебя всегда. Но не факт, что после ЭТОГО они купят еще хотя бы одну твою книгу! А те, кто потребляет философскую заумь, тебя не знают, да и знать не хотят!»

Он сказал «философскую» — но это не означает, что распластанный на столе под его дланью роман относится к этой категории. Просто это слово у главного ругательное. И означает все сомнительное. Словом, то, что хорошо написано, но не продается.

Но я хочу написать именно такую книгу: любовный роман без пошлости, семейную сагу без неперемennого клеймения эпохи, современный роман без замаранного политического белья — словом, роман на все времена. Я страстно желаю этого, хотя пока не могу даже очертить границы. Я просто знаю, что хочу, и настаиваю на этом, хотя главный и смотрит на меня волком.

Он рассержен, мой воображаемый собеседник, или же это обозлился я сам? Потому что долго брел совсем не в ту сторону, куда желал попасть с самого начала, считая себя — и справедливо считая! — пока что слишком слабым для такого непростого пути. Но сейчас, когда я созрел, когда хочу отвесть плодов с другого дерева, из другого сада, мне уже не выпрыгнуть из протоптанной мною же колеи! Потому что эта проклятая канава стала гораздо, гораздо выше моей головы!

Да, мне нужен тайм-аут, чтобы подумать, осмыслить, попросить наконец! Тогда почему не принять это весьма заманчивое предложение?

Я наконец бросаю взгляд на своего приятеля, живого, а не призрачного собеседника. У него свежая, полнокровная физиономия, прекрасно сидящий костюм и дорогие туфли — словом, он правильно выбрал работу.

Он живет сегодняшним днем, наслаждается им, а не мучается неизвестно откуда берущимися голосами и призраками. Его цифры куда порядочнее моих слов: они честны и однозначны. Они не гоняются за ним по темным проулкам, не поджидают за лихорадочно отпираемой дверью квартиры — скорей, скорей, дрожащими от нетерпения пальцами записать поворот сюжета! Его работа не вламывается на дачу, где он проводит досуг с любовницей,

и не ошеломляет, неожиданно выскочив из-за пальмы в ботаническом саду.

Он добропорядочно скучен — о, желал бы я хотя бы половину своего времени бывать таким же! Однако я слеплен из другого, неправильного теста, куда чего-то не доложили или, скорее, переложили. Потому что бурно бродящие во мне словесные дрожжи частенько накрывают меня по полной в самых неподходящих для этого местах. Днем и ночью. В родной постели и в гостях. На улице. В метро. В лифте. В кафе, где я вдруг начинаю лихорадочно шарить по карманам и бешусь, обнаружив, что оставил блокнот дома.

Ночью, почти заснув, я вдруг вскакиваю, нашариваю на тумбочке рядом с кроватью карандаш и, не зажигая света, торопливо карябаю очередную идею развития романа. Свет я не включаю не потому, что боюсь разбудить кого-то рядом — рядом, как правило, никого нет, — а оттого, чтобы не проснуться окончательно самому. Ночью нужно спать. Или хотя бы пытаться спать, поскольку днем я этого не умею. Оттого что не умею выключаться. Честно говоря, я не умею выключаться вообще.

Я давно стал неврастеником, но не хочу признаваться в этом, списывая все на неумеренную фантазию, а также на кофе, потребляемый в явно бесполезном организме количестве.

Да, я неврастеник, если не псих, — кто в здравом уме будет строчить ночью неизвестно что и неизвестно для кого? Чтобы потом, стиснув зубы и руки, сидеть на самом краешке стула напротив редактора, ненавидя этого добродушного толстяка так, что уже придумал для него и имя, и место, и способ убийства?! К тому же все, все было уже описано ДО меня. Кто-то даже пересчитал все мыслимые в литературе сюжеты — кажется, их всего тридцать девять.

Я знаю, что мне не выдумать сороковой, как не написать ничего бессмертного... но я хочу ПОПЫТАТЬСЯ! И для этого всего-то и нужно, что сказать «да» и сменить обстановку. Увидеть новых людей. Забыть старых. Перестать представлять душку-редактора, желающего лишь добра, убийцей, накидывающим мне петлю на шею. Потому что он совсем не Алоизий Могарыч, небрежно бросающий в лицо Мастеру: глава такая-то идти не может!.. Да, у нас рыночные отношения и не любят нестандарт, потому что сто раз пережеванное и столько же переваренное усваивается и продается куда легче! Но если уж так не нравится все это, значит, давно